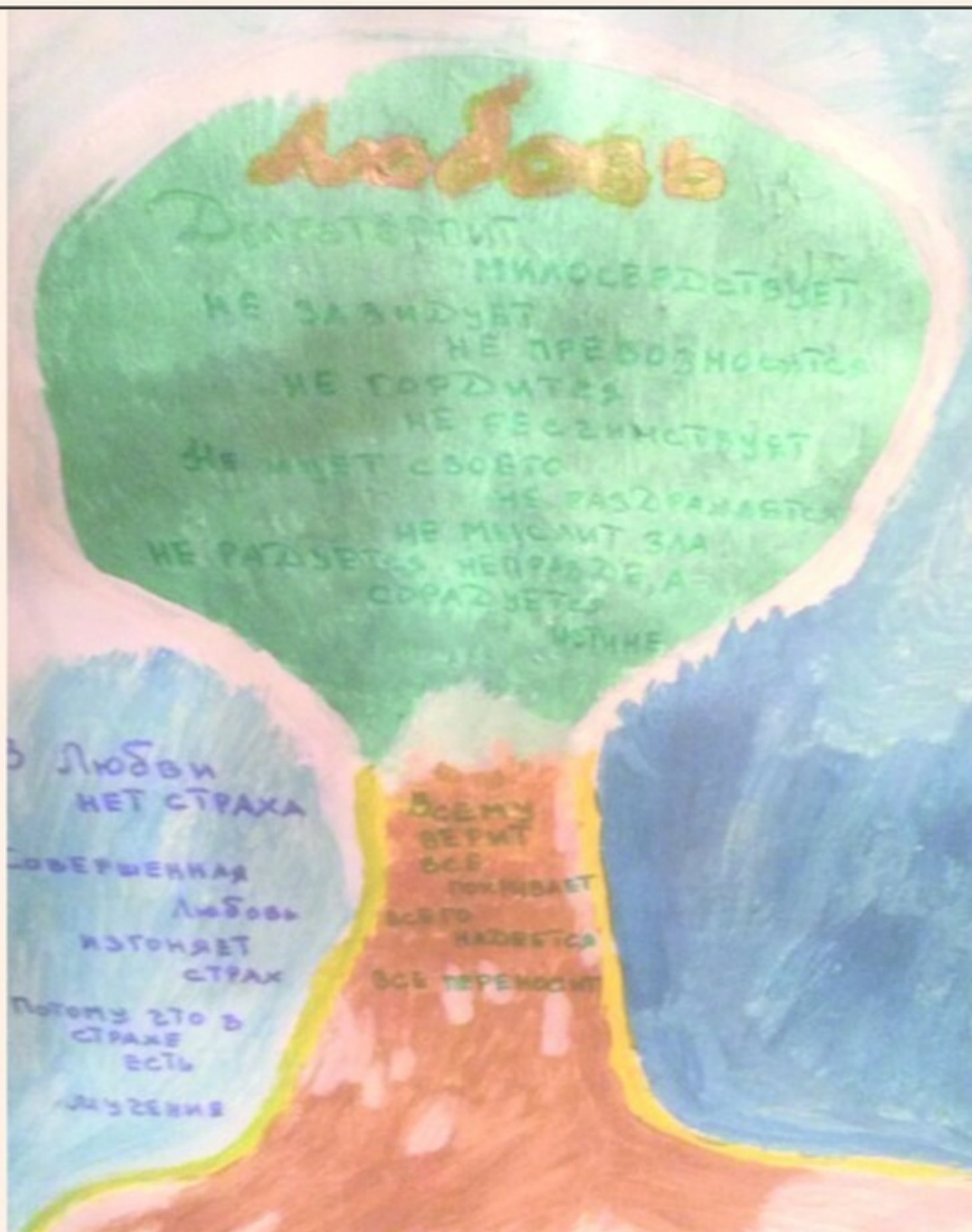

Нина Александрикова

Такая любовь

Нина Александрикова

Такая любовь

«Издательские решения»

Александрикова Н. В.

Такая любовь / Н. В. Александрикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903628-5

nikaalex84@mail.ru Любовь долготерпима и милосердна. Любовь не завидует. Любовь не превозносится и не гордится. Любовь не ропщет и не мыслит зла. Она не ищет выгоды и не бесчинствует... Любовь не радуется неправде, но, сорадуется истине... И ведет к свету... Любовь все покрывает... и всегда, в любом её проявлении — благословенна... (Первое послание св. ап. Павла к Коринфянам)

ISBN 978-5-44-903628-5

© Александрикова Н. В.
© Издательские решения

Содержание

Тень	6
Дорога	9
Память сердца	11
Любовь	13
Двойники	15
Выбор	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Такая любовь

Нина Владимировна Александрикова

Фотограф Антон Александрович Александриков

© Нина Владимировна Александрикова, 2018

© Антон Александрович Александриков, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-3628-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сколько живу на свете, столько не могу понять, что это за магическое такое слово – любовь. И почему она такая разная – эта любовь. И почему любовь всегда связана с действием. Думаю, что ежедневно, ежечасно у миллиардов людей крутятся в голове те же вопросы. Все нуждаются в любви. Но любовь нельзя навязать, и любить нельзя заставить. Но чаще всего любовь выражается в заботе о другом человеке, в желании помочь другому и всегда отдавать. Любовь всегда такая разная. Вот такая любовь – именно разная.

Этот сборник сказок и рассказов именно о такой любви – разной. Любви к Богу, любви к детям, родителям, мужчины к женщине и наоборот, любви человека к человеку, любви к сказке, любви к реальной жизни, любви к друзьям и недругам, любви к людям, оставшимся одним и без понимания. Это сборник сказок и рассказов, которые дарят Надежду на сегодня и на завтра. И книга, которую вы держите в руках, – это самое настоящее проявление любви дружеской. Эта книга – подарок друзей автору сказок, которая перевернула наше мироощущение и своим принятием нас настоящими научила нас любить, вылечила нас и показала нам многогранность жизни и каждого дня.

Нина Александрикова показала нам Таковую Любовь, которую мы никогда не видели, и от которой мы почему-то прятались. Вроде как, это неправильно показывать свои чувства. А сказки и рассказы, которые мы тут прочитали, каким-то чудесным образом заставляют чувствовать, думать, принимать, отдавать бескорыстно, видеть Таковую Любовь – многогранную. И мы очень надеемся, что наш подарок на день рождения нашему любимому другу удивит ее и порадует. А ещё, одним из посылов создания данной книги было желание поделиться с целым миром Любовью, которая пропитывает тебя с каждой прочитанной страницей.

Нинуся, наш самый любимый друг, вдруг выйдет так, что не только нас, своих друзей, ты одаришь великим даром любви, но и тех, кто будет читать эту книгу. Ведь на самом деле, все, что нужно человеку, – это знать, что его любят!!! Такая Любовь для самого дорогого человека!!!!!! Ведь без тебя мы бы скоро нашли свет на нашем пути.

*С огромной любовью к тебе,
твои Катя, Оля, Оксана и Нино*

Тень

«Тень, Тень, Тень», – напевала Алиас проходя сквозь выжженную землю. До дома бабушки оставалось всего ничего. Кусочек выжженной земли да поворот в сторону Солнца. Домик бабушки стоял в самом начале городка, на пригорке, с которого хорошо просматривалась главная дорога. Там можно будет отдохнуть и набраться сил, а пока... Пока мертвая земля под ногами и Тень, что подчеркивает безжизненность да закрывает солнце.

Алиас шла и вспоминала, как эта земля стала такой. Раньше здесь был прекрасный сад, на котором синели колокольчики, распускались розы и благоухали лилии. Сад этот любили многие жители городка. И ухаживали за ним всем миром. Дети поливали, тетушки и матушки рыхлили и подкармливали, а мужчины делали заборчики и деревянные фигурки.

Однажды на этом месте поссорились двое. Прекрасный юноша и волшебная девушка. Сила их ссоры была такова, что гнев и зло, что жили в их словах, выжгли этот сад до тла. Поток обид, обвинений и осуждений, что шли от их сердец, убил все цветы, а землю превратил в черствую корку. Вместо сада и плодородной земли осталась лишь сеточка трещин да Тень, что поджидала путников.

Алиас осталось сделать буквально пару десятков шагов по выжженной земле, как вдруг поднялся ветер. Тучи появились на лазурном небе, и начал накрапывать дождь. Уже через несколько мгновений ливень стал такой силы, что Алиас не могла идти дальше. Струи дождя походили на веревки, которые сковывали движения, не давали двигаться. Ветер сбивал с ног. Алиас села на землю.

– Давно на меня никто не садился, – скрежет незнакомого голоса был громче шума дождя.

– Глядишь, хоть на одну трещинку меньше станет.

Алиас ошарашенно смотрела по сторонам. Но за стеной тумана и дождя ничего не было видно.

– Ты кто? – почти про себя выдавила она.

– Земля. Давно такого не было, чтобы во время ливня по мне кто-то ходил. Я же в другое время говорить не могу. Сухая очень.

– Ты умеешь говорить? – удивлению Алиас не было предела. – Ты же неживая.

– Выжженная еще не значит неживая. Просто, когда дождя и собеседника нет, я скриплю потихоньку. Да никто не слышит.

Алиас уже не замечала, что вымокла до нитки. Казалось, дождь уже не касался ее.

– А ты куда идешь? – голос Земли с каждым словом становился все мелодичнее.

– К бабушке. Обрадовать ее хотела. Меня в школу Мудрых Волшебниц приняли. Не каждому такая честь выпадает.

– А это школа в том лесу, что за городком? Знаю. Знаю.

– Да, там. Я хотела пару дней у бабушки провести да двинуться дальше. Меня уже ждут. Сама Наимудрейшая приглашение прислала.

Земля молчала. Алиас же размышляла. Попасть в школу Мудрых мечтали все. Такая радость. И тут эта встреча странная. Дождь. Земля.

– Почему ты молчишь?

– Наслаждаюсь дождем и твоей радостью. У меня не так много возможностей для этого. Вот и ловлю каждый миг. А тебе первое задание уже прислали?

– Откуда ты знаешь? Про первое задание?

– По мне кто только не проходит. Какие только встречи я не видела. Какие разговоры не слышала. Я много знаю, хоть и молчу об этом большую часть жизни.

Алиас вспомнила о письме, которое она хотела открыть у бабушки дома. В этом письме было первое задание из школы Мудрых фей. Как вступительный экзамен.

– Да, получила. Но еще не открывала его.
Опять молчание. Что ждет от нее Земля?
– Открыть?

Опять молчание. Алиас быстро достала совсем мокрый от дождя конверт. Вскрыла его. Буквы в одном единственном предложении письма расплывались. Вода с чернилами, казалось, танцевали на белом свой танец. Буквы в этом танце были лишними. Единственное, что удалось разобрать, это Земля и Сад.

Дождь прекратился. Над городком показались первые робкие лучи Солнца. Они выглядывали из-за туч так несмело, что не доходили до земли. Они останавливались около и совещались о том, что предпринять дальше. Алиас впервые видела разговор света. Странно, что это происходило на выжженной земле.

– Ты знаешь, что все это значит?

– Конечно. Я давно живу без дела. Выжгли меня ссоры, обидные слова, зависть да дурные поступки. Вот и стала я серой да грязной. Только вот не к этому я призвана. Призвана я жить да дышать. Рожать да плодоносить. Вот и просила я Небо помочь. Сад прекрасный на мне возродить. Значит помощь и пришла.

– Я твоя помощь? – Алиас задохнулась от растерянности и удивления.

– Ты не ты – это мне Небо не сообщило. А то, что именно тебе красоту наводит да сад возрождать – это точно.

– Да как же я? С тобой ведь ничего сделать нельзя. Да и не умею я цветы растить. Для этого учиться надо. А пока я неученая, я ничего не могу.

– Ученая... таких ученых много по мне ходило. Слои снимали. Почву изучали. В пробирки меня засыпали да опыты проводили. Вот-вот, говорили, откроем секрет выжженной земли. Вот и жду сто лет этого «вот-вот». Ты, случайно, не знаешь, где это «вот-вот» живет??

Земля засмеялась. Алиас улыбнулась в ответ.

– Земля, что же мне делать?

– Не знаю. Знаю только, что в городке, куда ты шла, живет женщина. Она академий и школ не заканчивала. Но в доме у нее прекрасный сад. Цветы необыкновенной красоты.

– Знаю. Знаю. Это тетушка Ми. Да, ее сад прекрасен. И сама она всегда приветлива и добра. Зайду к ней на чай.

Алиас вскочила. Над городком вставала радуга. А земля под ногами не была такой сухой.

– До свидания, – Алиас почти бежала навстречу радуге. И не слышала полное надежды «До встречи».

Алиас решила не заходить к бабушке, а сразу отправиться к тетушке Ми. Тетушка Ми сидела на кухне и пила чай, отогреваясь от прохлады, что принес с собой ливень. Алиас торопливо пересказала тетушке Ми весь разговор с Землей и замолчала. Тетушка Ми, казалось, не была удивлена.

– Многие пытались оживить выжженную Землю. Только, что ее оживлять? Она ведь живая.

– Да, теперь я и сама это поняла. Только как же вырастить на ней сад? Если ученые не смогли, то как это получится у меня?

– Не знаю. Ох, не знаю, милая. Но кое-чем я могу тебе помочь. Тетушка Ми вышла из кухни и вернулась со стопкой каких-то открыток и писем в руках.

– Многие люди, зная, что я умею выращивать цветы, обращались ко мне за советом. Писали письма. Я отвечала. С кем-то мы обмениваемся открытками. Всего одна строчка, но как же она греет душу и радует сердце.

Тетушка взяла первую попавшуюся открытку и прочла: «Выращивать прекрасные цветы мне помогает доброе расположение сердца. Иногда такое расположение исцеляет болезни.

Поэтому мой сад не увядает и не чахнет. Растения тянутся к солнцу и свету, что придает им сил для роста.»

Тетушка Ми взяла другую открытку: «Я люблю свои цветы. Отсутствие любви приносит разрушение в любую область жизни. И мой сад не исключение. Если любовь уходит, то требуется очень много усилий, что впустить ее обратно. Но это того стоит.»

Третья открытка легла на стол перед Алиас: «В своих цветах я замечаю самое лучшее. Необычный цвет.

Упоительный аромат.

Причудливую форму. Для каждого находится доброе слово и похвала. Это похоже на благодарную песню сердца. Цветы радуются вместе со мной. Часто наши совместные песни привлекают других. Людям хочется принести в свой дом радость, любовь и мир. Так мои цветы разлетаются кто куда. Мой сад не ограничивается никакой территорией. А песни радости и любви звучат все громче.

Тетушка Ми долго читала свои письма и открытки. Алиас уходила от нее уже поздним вечером. Алиас вернулась домой, когда бабушка уже спала.

Утром Алиас рассказала бабушке про все свои приключения. И про школу Мудрых фей, и про выжженную землю, и про разговор с тетушкой Ми.

– Что собираешься делать, внучка? – спросила бабушка.

– Идти и выращивать сад, – спокойно ответила Алиас.

– Тогда пусть первым цветком в твоём саду будет этот... Бабушка взяла с окна горшок с необычным цветком.

– Это Филипп. Или Филя. Ступай. Тебя уже ждут.

– Спасибо, бабушка.

В этот момент Алиас еще не знала, что отправляется в путешествие длиною в жизнь.

На пороге этого путешествия кажется, что ливень свободы ничего не значит. Что Мудрые феи знают все. А трудные задания помогают расти и крепнуть. Ничего не известно наверняка. Только то, что идти на выжженную землю с прекрасным цветком не так одиноко...

Дорога

В этом году у нее случился огромный урожай цветов. Прекрасные пионы, нежный лилейник и величавые розы. Цветы были повсюду: в ведрах, вазах, банках и даже кастрюлях. Но радости ей это не доставляло. Наоборот, среди всего этого великолепия все чаще слышались горькие вздохи и даже робкие рыдания. Ей никогда не продать свой труд. Столько цветов в их городке никому не понадобится. Свадьбы здесь были так же редки, как и похороны. Иногда влюбленные дарили избранницам цветы, но чаще в ходу были другие подношения. Украшения, духи, вещи и одежда. Цветы же были слишком ненужными и непрактичными.

Сидя среди благоухающих кастрюль, Она размышляла о том, что же предпринять. В какой-то год Она нашла маленьких подушечек. И набила их благоухающими сушеными лепестками. Их покупали хозяйки и клали в белье. Для свежести. Но сейчас ей было невыносимо поступить также. Смотреть, как увядает твой труд и пропадает красота, было тяжело.

Когда-то давно Она слышала, что в двух днях дороги от их городка есть город Чистоты. Люди там радуются и поют. Улицы их чисты и прекрасны, как и их сердца. Вечером все гуляют по радуге. А утром собирают с травинки капельки росы, которыми умывают свои души и лица. Радуга и цветы прекрасны, как музыка, и бесполезны, как мерцание звезд. Наверняка, жители города обрадуются ее цветам. И она решилась отправиться в путь.

Рано с утра Она погрузила свои цветы в плетеную корзину и вышла из дома. Дорога за ее домом довольно быстро превратилась в маленькую пыльную тропу. Она то уходила в сторону, огибая небольшие кустарники, то терялась среди поросли земляники. То выпрямлялась, уходя за горизонт. К концу дня Она уперлась в тупик. Дорога обрывалась около бревенчатой маленькой избушки. Она вошла в пустой домик. Он был почти пуст. Небольшой столик и кровать. Вот и все, что было внутри. Она так устала, что практически сразу улеглась спать. Утром ее разбудил веселый солнечный лучик. Он то прыгал на стене, то резвился на столике. Заигравшись забегал и на ее лицо. Так она и проснулась от ощущения запыхавшегося тепла на коже. На столе ее ждала короткая записка: «Слушай Дорогу».

Она вышла из избушки и пошла дальше. По дороге ей встретился ручеек. Она написала сама и напоила свое благоухающее богатство. На очередном изгибе дороги она наткнулась на куст малины. Наелась ягод и даже прихватила с собой веточку. С терпким ароматом малины идти было веселее.

К исходу второго дня к городу она так и не вышла. Цветы увядали, сил почти не было. Она присела на ближайший пенек и заплакала.

«Что слезы льешь, девонька?» – спросил тягучий ласковый голос — «Случилось что?».

Она начала с любопытством огляделась. Вокруг никого не было. Трава, кусты да запах малины.

«Ты кто?»

«Как это кто? Я Дорога. Вижу, что слезами меня кто-то заливает. Да не по делу. Вот и решила заговорить. Успокоить. Да мыслями поделиться».

Она устала себе под ноги. Дорога едва виднелась под пылью, камнями да корнями растений. Она поджала ноги.

«Прости, что я на Тебе стою». Звучало это нелепо и смешно. Слезы на ее щеках начали просыхать от улыбки.

«Я заблудилась. Иду вот в город, хочу подарить жителям мои цветы. Город Чистоты называется. Говорят, что там души жителей танцуют. Я уже должна была дойти до них. И не дошла».

«Дошла не дошла. Для таких, как ты, все пути открыты. Только иди. И дорогу ты можешь сама выбрать. На любой не пропадешь. Люди с золотыми руками и добрым сердцем любой

путь могут выбрать». Дорога замолчала. Слышны были только птичьи песни да разговоры кузнециков.

«Знаешь», – снова заговорила Дорога, – «по мне многие ходят. Вчера, например, парочка была. Она влюбилась в верного друга семьи. Муж чувствует, но не знает в чем дело. Она врет. Узел неправды разрубить не может. Вот и добрели в болото. Выберутся конечно. Но сил потребуется...»

Или недавно команда одна шла. Повара знаменитые. Не еду готовят, а произведения искусства. Все при них. Прижимистые только, сейчас, говорят, хваткие. Наготовят – напридумывают, а раз не купит никто, так и не отдадут. Хоть плачь. Так и лежат у них караваи да пирожки годами. Пылятся. А сколько радости и пользы могли бы людям принести. Купалась бы эта команда в благодарности да радости. Нет. По лесу ходят. От каждого кусточка да дерева шарахаются».

Дорога опять замолчала.

«Вы всех помните, кто здесь проходил?»

«Конечно всех. Все же путники как. Кто слезы роняет, кто слова плохие кидает, иные поступки тяжкие мне доверяет. И каждый оставляет свой неповторимый след. Как тут забудешь. Разговоры все помню. А иногда такое молчание встречается, что интересней всяких разговоров. Парочка тут была. Как они к свиданию стремились, а я их разводила. Но уж как увидели друг друга. Как увидели друг друга, так весь поток слов о молчание и разбился. Сильно они молчали. Долго. Глубоко. Так и разошлись. Грусть в глазах, да пустота в сердце. Теперь уж на других тропках встретятся. Легко там будет и светло».

«Светло», – протянула Она. «Дорога, а ты не знаешь, как мне в город-то попасть? Ночь уж на дворе. Цветочки вянут.»

«Так, ты уже в нем почти. За кусток-то выгляни. Пару шагов и ты там. Жители уже ждут тебя. Давно ждут. Все, что ты вырастила, что ты создала, тоже хочет приносить пользу людям. Оценить эту пользу нам не дано. Все, что нам осталось – благодарить. И радоваться. Иди! Не останавливайся! Всего тебе хорошего!»

Она еще несколько минут посидела в тишине и вошла в город. Там ее действительно ждали. Она раздавала свои королевские розы, терпкие пионы и хрупкий лилейник. Ей стало свободно и просто. Кто-то сказал ей, что ее давно ждут. Для нее готов дом. Дом утопал в цветах. Она никогда не видела такой красоты. Названий цветов она никогда не слышала. И удивлялась каждому. Радость. Прощение. Умиротворение. Терпение. Благоразумие.

Трудолюбие. А самый красивый цветок назывался Любовь. Жители города пообещали, что научат ее ухаживать за этими цветами. Предупредили только, что это будет дорога длиною в жизнь...

Память сердца

Дед, бывают времена, когда молчание приобретает слишком дорогую цену. Видимо, такое время пришло и для меня. Я собственно и не молчала о тебе никогда. Написала шесть историй о тебе и о твоей войне. А правнук твой, тоже Иван, выходил и рассказывал эти истории.

Чтобы помнили.

Дух нынешнего времени таков, что этого оказалось мало. Сейчас все хотят нахапать и нахапать побольше. Столько, что уже невозможно это ни переработать, ни осмыслить, ни осознать. Вот и получилось, дед, что вы вечно живые и близкие, превратились в безликие портреты, с которых раз в году стирается пыль. Вы ветераны, солдаты и дети войны стали галочками в культурных мероприятиях. Вы, которые любили, страдали, радовались и горевали, стали персонажами мифов и бронзовыми монументами.

Знаешь, дед, я в этом году отказалась одеть пилотку, чем ввела в недоумение предлагавших. «Извините, я не могу. Я не вор». Слишком велика цена той победы, слишком много памяти о твоей войне в моем сердце. И мне пришлось свидетельствовать о том, что ты, дед, воевал за то, чтобы женщины пилотки не надевали. Ты воевал за мир. За то, чтобы дети больше никогда не прикоснулись к голоду, холоду, смерти, разлуке. Женщина с ребенком была для тебя олицетворением мира, жизни, радости. Это сокровище, которое надо охранять. Я до сих пор удивляюсь, если речь заходит о воспитании детей с помощью рукоприкладства. Как можно бить мир, за который ты воевал?

Или вот, дед, сейчас многие стремятся повторить ту войну. Даже и наклейки на машины выпустили с таким призывом. И опять приходится свидетельствовать о том, что не воевал ты за повторение той войны. Может люди просто не понимают, что они хотят повторить?

Может, они хотят повторить, дед, твои 33 бутерброда? Это, когда 2 кусочка хлеба режутся на 33 части. Сверху на них кладется сливочное масло для запаха и это вся еда за день. Еще литрушка какао. Все наши уговоры о том, что дома есть еда, не действуют. Ты, дед, мог так есть неделями. 33 человека были в твоей роте, и ты делил с ними хлеб, спустя 50 лет после Победы.

Или, может, они хотят хоронить Мишу? Может им надо рассказать, что жил на свете Миша. Началась война, и он стал солдатом. Минером. И вы с ним должны были разминировать проход для наступления. Перед этим Миша показал тебе карточку с женой и дочкой. И подорвался на последней мине. Ты не смог его бросить. Собирал во время атаки то, что от Миши осталось в плащ-палатку. И под обстрелом хоронил.

Или может надо повторить то, как ты всю жизнь писал Мишиной жене письмо. О том, что Миши больше нет. А ты живой. Писал и спустя 30-40-60 лет после той войны. Писал, задыхаясь от болей в сердце. Сначала тихо, пока позволяло здоровье. Потом все громче, ахая и охая на весь дом. Да и умер от разрыва сердца, дописывая этой женщине и девочке с разорванной фотокарточки последние свои строчки.

Или может, кто-то хочет повторить историю твоего фронтового друга Вени? Как он отказался убивать солдата. Не смог застрелить 18-летнего пацана, который испугался и покинул строй. Подумаешь, убить человека за трусость. По справедливости ведь. А Веня отказался. И встал уже рядом с этим мальчишкой, чтобы умереть, раз не смог выполнить приказ. Спасла Веню внезапная атака немцев, в которой погибли почти все кроме него. Веня рассказал эту историю почти перед своей смертью. В телевизоре гремел парад, а старый солдат плакал о своей «трусости», о жизни, о смерти и своей победе.

Для того, чтобы помнили.

И никогда не повторяли.

Знаешь, дед, это все от слов. Сейчас слова такие странные. Я иногда набиваю на них шишки и синяки. Вот слово патриотизм. Оно такое стальное и суровое. О него разбиваются и любовь, и мир, и жизнь. А ты учил меня, что о него разбивается смерть.

Или вот благодарность. Оно сейчас звучит как стук деревянных ложек. Как будто ездят туда-сюда кругляшки на счетах, гулко ударяясь друг о друга. А ты меня учил, что благодарность – это веселое чмокание губ на щеках друга или треск, пробивающегося сквозь землю ростка.

Война сейчас тоже странное слово. Оно ведь страшное. Ненужное. Абсурдное. Горькое. А сейчас с ним начинают заигрывать, пробовать на вкус. Даже смаковать. А ты учил меня, что к нему не стоит прикасаться. Ты хлебнул его за меня. Для того, чтобы я никогда его не познала.

Я не боюсь, дед. И не возмущаюсь. Ты точно меня этому не учил. Победу никто не сможет ни отнять, ни осквернить, ни пересмотреть ее результаты. Все эти наклейки, ритуалы, пышные букеты патриотических слов не превзойдут того, что Миши больше нет. Это невозможно.

Просто теперь, нам детям и внукам ветеранов, придется говорить. Говорить о том, что нахапать здесь не получится. Говорить, чтобы сохранить ту память, которую ветераны всегда имели в сердце. Говорить о вашем пути, о вашем желании мира. О том, как вы любили жизнь и ненавидели войну. О вашей благодарности за каждый прожитый день. О вашей стойкости в том, чтобы радоваться. Радоваться, вопреки тому, что вы пережили. О том, как это трудно, невозможно и больно. Прорываться от смерти к жизни.

Знаешь, дед, сейчас звучит много проповедей на разные темы. Но очень мало говорится о том, что блаженны миротворцы. Сейчас это самый трудный, самый неблагодарный и самый невозможный путь. Свидетельствовать самим собой о мире. Слова ведь не подберешь. И даже ваша, дед, победа не становится поводом к миру, к примирению. Из-за нее ссорятся и спорят. Приписывают ветеранам свои мысли, их же осуждают, делают выводы. Забывая о том, что те, кто воевал очень разные. Каждый со своей судьбой, мировоззрением, поступками.

Может просто стоит почаще говорить вам – Спасибо за мир.

?!

Любовь

Самая высокая гора в мире-Любовь. Многие отважные, слабые, мужественные, трусливые, словом разные люди взбирались на нее. Множество испытаний ждали их по дороге к этой Горе. Путешествия сквозь туманные леса, переход через колючие камни, восхождение по невидимой лестнице. Всех путей и не перечислишь.

Множество разных предметов брали путники с собой на Любовь. Теплые вещи, еду, деньги, спички, топоры и ножи, книги. Только вот взобраться на Гору со всем этим многообразием было нельзя. Копились все эти богатства у подножия Любви.

Однажды на гору Любви отправился Ангел. Он сотни лет трубил в старинную трубу, чтобы на Небо выходили гулять звезды. На земле его работа была невидимой, лишь звезды и птицы знали мелодию его инструмента. Услышав невидимую музыку Ангел, звезды начинали свои танцы на Небе. А птицы предвкушали радость следующего дня.

За сотни лет Ангел стал совсем синим, лишь на его крыльях изредка устраивали бал звезды. Тогда они становились серебряными, желтыми, алыми или золотыми.

В очередной вечер, когда Ангел достал свою трубу, и приготовился играть, к его ногам упало письмо. Письма с Неба просто так не падают, они всегда сулят перемены.

«Жизнь, в которой нет стремления умножить красоту-жизнь ли это? Даже если это жизнь Ангела. Каждый незаменим, даже если он день за днем делает совсем незаметные вещи. Печет пироги, кормит птиц, слушает мелодии леса или включает ночь. Отправляйся на гору Любви»

Так Ангел отправился в путь. Конечно, он вздыхал. Кряхтел. Шептал что-то себе под нос. Он так привык к своей жизни. К тому, что надо чистить трубу, играть, смотреть на звезды. Он много лет никуда не выходил из своего ущелья близ океана. А тут надо одолеть такую дорогу.

Сначала путь его лежал сквозь снежный берег замерзшего моря, потом сквозь продуваемые степи пыльных стран. Встречались на пути и выжженные земли и болотистые, туманные края. Это только люди считают, что Ангелы не устают. Устают. Даже они. И Ангел вскоре тоже устал. Крылья его замерзли, с одежды слетели все сияющие блески. И он сел отдохнуть на старый пенек, что одиноко доживал на туманном поле.

Ангел начал смотреть по сторонам, стараясь угадать, что прячется за пеленой тумана. Это было увлекательно. Столько фантазий возникало в его голове. Столько историй он придумал. Все это занимало его, пока он не посмотрел себе под ноги. В траве сиял Цветочек. Нездешней. Подлинной красоты.

Ангел не удержался и погладил его. Так захотелось вдруг прикоснуться к добру и радости, для которой Цветочек и был создан.

– Возьми меня с собой, -тут же откликнулся Цветочек.

– Как ты тут вырос? -вырвалось у Ангела.– Совсем неподходящее место для тебя.

– Я вырос там, куда меня Небо послало. Трудно было расти, но знаешь... препятствия закаляют и делают сильнее.

– И прекраснее, – задумчиво сказал Ангел.

– Я просто радуюсь. Звучит непривычно. В туманном поле, да около трухлявого пня. А вот солнышко покажется, и я расцветаю. Просто цветы и расти, это ведь само по себе большое счастье.

– А зачем тебе со мной? Вдруг завянешь по дороге?

– Это другим цветам нужен садовник, чтобы заботиться о них. Ухаживать. Поливать. Подкармливать. А мне-нет. Я ведь сам здесь без ухода жил. Сам свои проблемы решал. Да и на Горе Любви хочется побывать.

Ангел задумался. Рядом с Цветочком он почувствовал себя ответственным за весь мир. И ему захотелось, чтобы день наполнился добрыми делами. Ведь всякая доброта имеет последствия и увеличивает мир радостью. Радостью других.

Они пошли вместе. Дорога пролетела как один миг. И Цветочек с Ангелом оказались у подножия горы. Светлый Смотритель остановил Ангела

– Вы должны оставить все вещи, что брали в путешествие тут. Внизу.

– Но у меня ничего нет. Только вот... Мой друг... Цветочек.

Ангел протянул Смотрителю свои ладони, в которых лежал его Друг. Все такой же красивый, настоящий. Мерцающий чистым светом. Ни единого следа от изнуряющего путешествия без еды и воды.

– Проходите...

Они начали подниматься. Каждый шаг вверх открывал им ту радость, ради которой они пришли в этот мир. Ангел становился теплее и четче. Светлее и выше. Потом они скрылись в облаках.

Смотритель помахал им рукой. Именно он прислал Ангелу то письмо. Он знал, что к Горе Любви приходят те, кому не хватает в жизни тепла. И те, кто не может увидеть уникальность каждого, кто встречается на их пути. На вершине путники отдохнут, погрееются у теплого костра и вернутся обратно. Привнося в мир частичку счастья и радости.

Двойники

Начиналась предпраздничная суета. Двойники готовились.

«Опять эта неделя, – брезгливо выдохнул Льстивый. И почему мы обязаны подчиняться?»

Враждебный и не вздыхал даже. Лишь коротко кивнул и обреченно буркнул: «Справимся».

Льстивый еще больше насупился: «И как Ему удастся все время разрывать круг? Мямля ведь. Но каждый год кто-то вырывается. Потом они рассказывают это другим. И мы теряем людей...»

Ненависть в комнате можно было резать на куски, но Враждебный еще больше оскандился: «Это все Любовь», – это слово Враждебному никогда не давалось, – «Хоть эти людишки и наши, но в Праздник отсюда удастся передать искорки. И плакала наша тьма. Ну, дальше сам знаешь, дело техники». Враждебный прислушался. Тьму потихоньку разрезал на кусочки тихий треск. «Соберись, сейчас начнется».

Через несколько мгновений в комнату к Льстивому и Враждебному стали входить люди. Они по очереди подходили то к одному, то к другому.

Вот к Льстивому приблизилась Женщина. При жизни она была очень доброжелательной, учливой и порядочной. Люди любили болтать с ней, ведь они видели в ней отражение своих сплошь положительных качеств. Только вот близости ни с одним человеком так и не случилось. Настоящей теплоты и привязанности тоже, не говоря уже о любви. Женщина воспринимала окружающих лишь как набор характеристик, конструктор из качеств и палитру из всяческих оценок. Однако, все с удовольствием смотрелись в Нее, как в Льстивое Зеркало.

Вот в комнату вошел насупившийся молодой человек. Любимыми его словами там, на земле, были: «А, ну с ним все ясно. Понятно, что ничего другого от тебя и ожидать нельзя!» Его все обходили стороной, ведь он тонко подмечал все человеческие недостатки и расхлябанность, и грубость, и трусость. Люди ведь не любят смотреть во Враждебные зеркала, и молодой человек был одинок.

Однако были и такие, кто мог смотреться и во Враждебное и в Льстивое зеркала. Как, например, импозантный мужчина в очках. В мире его считали Правдивым Зеркалом. Ведь он видел в окружающих и порядочность и самоуверенность, и ответственность, и лукавство. На земле все ходили к нему за советом и считали Правдивым Зеркалом. Хотя он всего лишь навсего мог отражать и положительные и отрицательные качества окружающих. Это было редкое умение, не более того.

Люди шли и шли. Одни могли увидеть себя в Льстивом. Другие только во Враждебном. Некоторые видели свое отражение в обоих. Но все были очень тревожны. Люди постоянно оглядывались по сторонам, им все время чего-то мучительно не хватало. В комнате звучала недоговоренность, неполнота. Пахло тайной.

В обычные дни это мучение длилось бы бесконечно. Но сегодня, когда снаружи доносилось: «Христос воскрес из мертвых», люди могли пройти еще в одну дверь. И они потихоньку скрывались за ней. Там их ждало чудо. Другой мир. В светлой комнате их ждали чистые листы и краски. Белый Ангел предлагал входившим что-то нарисовать. Люди, конечно, терялись. За время пребывания среди зеркал они отвыкли творить и делать что-то самостоятельно. Многие забыли цвета и не различали запах красок, некоторых слепила белизна чистого листа. Кто-то останавливался в дверях, зачарованный голосом Ангела, который плескался по комнате прекрасной музыкой.

Осторожно подбирая слова, ведь она почти разучилась говорить, первой захрипела Женщина: «А что рисовать? Я не помню лиц. Только маски, или размытые пятна».

Ангел улыбнулся: «Рисуйте все что хотите. Может, весеннюю грозу или первый снег?»

Мужчина, который мог увидеть себя только во Враждебном, прошипел: «Гроза. Вы с ума сошли? Она же несет разрушение. А первый снег увеличивает количество аварий на дорогах».

«Увольте», – откликнулся импозантный Мужчина в очках, – «первый снег – чудо для афроамериканцев и тех, кто влюблен в зиму».

Все начали говорить. Люди, как голодные куску хлеба, радовались тому, что могли говорить и делиться своей точкой зрения. Гул голосов нарастал.

Ангел тихонько прошептал: «Рисуйте портреты. Вы же кого-то любили, там на земле?» Гул тут же стих. Ангел глубоко вздохнул и закрылся крылами. Уже оттуда из укрытия донеслось: «Раз никого не любили, рисуйте себя. Свои портреты».

Время, казалось, застыло. Хотя все уже привыкли к вечности, но сейчас она изменилась. То ли от того, что Ангел скрыл свой лик, то ли от того, что многим захотелось плакать.

Многие стали делать первые неумелые осторожные мазки. Кто-то бережно взял карандаш. Первой тронула прозрачную струну молчания все та же Женщина: «Это невозможно. Я не могу нарисовать свой портрет. Всегда есть неопределенность. Ведь даже белизна первого снега для разных людей может быть неодинакова».

Женщина тотчас исчезла. Ангел снова улыбался. А на земле все громче звучало: «Христос Воскресе!»

В комнате оставалось все меньше и меньше людей. Они уходили один за другим. А грустный юноша все сидел и сидел над своим листом, упрямо качая головой. Он не решался разрушить чистоту листа. «Уважаемый, – обратился он к Ангелу, – «неужели?»»

Юноша запнулся. «Неужели человек может изменить свое нутро? Ведь есть же темперамент, характер, добро и зло в конце концов. Воля или психологическая конституция. Человек ведь ограничен. Это и наука доказала. Неужели, не может быть, чтобы человек был не завершен?» Лицо юноши постепенно светлело. «Или есть кто-то на самой глубине, кто разорвет эту предопределенность... кто-то Кто разорвет...» Юноша исчез и последних его слов уже было не слышать.

Ангел все так же улыбался.

В соседней комнате лопались зеркала.

Выбор

Перекресток. И стоишь на нем, не зная куда повернуть и что выбрать. Пронесются машины, люди, звуковые волны, клубы пара. Стоишь и смотришь на удаляющихся и приближающихся. Одна только мысль – они идут, кто-то спотыкается и падает, кто-то летит, не касаясь земли. И зависть, и сочувствие, и сожаление, и тихая грусть. Все намешано.

Человеку несвойственно стоять, человек призван к действию. Даже если это действие незаметно. А от бездействия вырастают всякие неприятные штуки, первая из которых зависть. Завидуют тем, кто идет, кто, хоть шатаясь, но двигается. Начинаем искать изъяны, критиковать, видеть недостатки, словом, все что угодно, только бы не видеть, что сами стоим. Что не выбираем. Что перекресток стал для нас домом и спасительным кустом от движения жизни. И что светофор перемигал всеми цветами радуги, но все мимо. Мимо цели. А начинаешь приставать с вопросами. Куда идти? Что делать? Молчание. Долгое и тягостное.

– А куда ТЫ хочешь идти? Выбирай и иди по любой дороге.

– Это несерьезный разговор. Мало ли что я выберу. Уже «понавыбирался» в свое время. Только кое-как на перекресток вырулил. И тут опять выбирай. Ну уж нет. Дайте ориентир. Точную карту. Все препятствия в пути. И уж тогда я, может быть, и решусь. А то вдруг чего бы не вышло.

– Как бы чего не вышло может быть на любой дороге. Иди. Начинай. Двигайся. Это и есть жизнь.

И выбор сделан, дорога выбрана. Начинается путь. Но то и дело кажется, что надо было повернуть направо, там было спасение и виднелся вокзал. Можно было уехать к морю и тогда... А, может, надо было и налево идти, так надежней. Там маячил еще один перекресток, и на нем можно было перевести дух. Эх...

И до конца пути немногим дано понять, что дело не в дороге, которую ты выбираешь. А в том, что внутри тебя заставляет выбрать именно эту дорогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.